

предположение, что оно также связано с импульсами, исходящими из Средиземноморья⁶.

Пора перейти к выводам. Сборник, безусловно, удался. Правда статьи его далеко не всегда согласованы друг с другом как по подходу, так и по стилю и оформлению. Но каждая по своему интересна и полезна не только для археолога, но и для этнографа и историка первобытного общества. В предисловии к изданию Б. А. Рыбаков пишет, что Институт археологии предполагает выпуск подобных же сборников, посвященных более поздним эпохам. Остается надеяться, что они будут написаны на столь же высоком уровне, как и первый.

А. М. Хазанов

⁶ R. J. Atkinson, Stonehenge, London, 1956, p. 154; N. K. Sandars. Bronze age cultures in France, Cambridge, 1957; G. E. Daniel, The megalith builders of Western Europe, London, 1958; V. G. Childe, The prehistory of European society, Harmondsworth, 1958, p. 128f; G. Clark, World prehistory — an outline, Cambridge, 1961, pp. 120, 137—140.

НАРОДЫ СССР

Л. П. Потапов. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк, Л., 1969, 196 стр.

За последние 15—20 лет этнографическая литература обогатилась значительным количеством работ, посвященных этническому составу, этнической истории и этногенезу народов СССР, в том числе и тюркоязычных народов. Среди них видное место занимают исследования Л. П. Потапова, относящиеся к народам Саяно-Алтая.

Автор рассматриваемой работы не впервые обращается к вопросам происхождения алтайцев¹. Однако, если ранее он намечал лишь основные вехи их этногенеза, причем, наибольшее внимание уделял происхождению южных алтайцев, то в своей новой работе Л. П. Потапов с большой scrupulousностью исследует этническую историю алтайцев на всем ее протяжении — с половины первого тысячелетия нашей эры до нашего времени, стремится использовать все доступные источники для глубокого постижения этногенеза обеих групп алтайцев — южных и северных.

Примененная Л. П. Потаповым методика исследования заслуживает того, чтобы остановиться на ней особо. Суть своего метода автор формулирует следующим образом: «Отталкиваясь от хорошо изученного современного этнического состава алтайцев, мы постепенно удаляемся вглубь и, основываясь на свидетельствах различных источников, определяем ряд основных этнических компонентов различной исторической давности, которые сыграли решающую роль в происхождении современных алтайцев» (стр. 13).

Соответственно сказанному Л. П. Потапов и строит свое исследование. Оно состоит из введения и трех глав: «Этнический состав алтайцев в конце XIX и начале XX в.», «Ближайшие исторические предки алтайцев» и «Древние элементы в этническом составе алтайцев».

Сопоставление всей совокупности различных видов источников в рецензируемом исследовании принесло чрезвычайно плодотворные результаты. Так, например, анализируя письменные источники в свете устных преданий, Л. П. Потапов получил возможность отнести некоторых алтайских зайсанов XVIII в. к определенным сеокам и тем самым уточнить этнический состав южных алтайцев двести лет тому назад (стр. 141).

В ходе исследования Л. П. Потапов неоднократно восстанавливает правильное звучание искаженных в источниках этнонимов. Установив, что официальное название Кергежской волости первоначально звучало как Тиргежская, автор обращает на этот факт особое внимание, так как это название содержит в себе древнетюркский этноним тюркеш (стр. 49—50).

Тщательно изучив сеоки южных и северных алтайцев и относящиеся к ним этнографические данные, Л. П. Потапов пришел к совершенно правильному «убеждению не только о целесообразности, но просто о необходимости изучения этнического состава, происхождения и этнической истории алтайцев по отдельным сеокам — родам в той степени, в какой это представляется возможным в наше время, когда древние

¹ См. Л. П. Потапов, Очерк этногенеза южных алтайцев, «Сов. этнография», 1952, № 3; его же, Очерки по истории алтайцев, М.—Л., 1953, стр. 133—162; его же, Этноним теле и алтайцы. В сб.: «Тюркологический сборник к 60-летию А. Н. Кононова», М., 1966.

элементы культуры и быта так быстро исчезают и забываются родо-племенные подразделения алтайцев (стр. 78—79). Это методическое пожелание вполне уместно на просторанить и на исследование этнического состава и этнической истории других родов, сохранивших до недавнего времени родо-племенную структуру.

Исследуя состав населения первой Чуйской волости, автор объединяет с телами сеоки Титас и Оргончи на том основании, что они считали себя кровными родственниками и браки между ними были запрещены (стр. 28). В то же время сек Тодос находилась в отношениях свойства (кудальшка) с сеоком Кыпчаком. Оба сеоки считались кудалар (сватами). Ипатьевская летопись сообщает об обычаях, которые существовали у кыпчаков-половцев, находившихся в отношениях «сватовства» с печенегами (стр. 37). Таким образом, этнографические факты позволили Л. П. Потапову установить этническую близость некоторых сеоков.

Исследуя происхождение кумандинцев и их отдельных сеоков, Л. П. Потапов показывает сходство отдельных элементов их культуры и быта с соответствующими элементами культуры и быта хантов, манси, селькупов. Это касается одежды, хозяйственных построек, типа охотничьей ручной нарты, орнамента, шаманского культа и т. д. В результате анализа материала сделан важный вывод о том, что часть далеких предков кумандинцев — пеших охотников, сочетавших охоту на зверя с рыболовством в таежных речках, в этническом отношении была, видимо, неоднородна: можно проследить их связи как с угорскими, так и с самодийскоязычными (селькупы) народами (стр. 63—65). Применяя тот же метод анализа и сопоставления этнографических материалов о «верхних» кумандинцах, Л. П. Потапов убедительно доказал, что входившие сюда сеоки были связаны в прошлом с культурой кочевников-скотоводов. Этнографический материал подтвердил предположение автора, основанное на анализе этнонимов и ряда исторических данных и преданий, о происхождении верхних кумандинцев от кыпчаков и телеутов — кочевников-скотоводов, а также об этнической и культурно-бытовой неоднородности предков кумандинцев.

Разработанная Л. П. Потаповым методика удачно применена для выяснения происхождения отдельных этнических компонентов и других групп смешанного происхождения: челканцев (стр. 70—77), телеутов (стр. 119—120), для доказательства этногенетической связи телеутов и южных алтайцев вообще со средневековыми кыпчаками (стр. 173—174).

Остроумно и доказательно Л. П. Потапов сопоставляет название шаманского бубна у телеутов с названием одного из древних тюркоязычных племен — бо-ма («пе-голошадников»), отдельные группы которого, возможно, и вошли в состав телеутов на раннем этапе их этнической истории (стр. 176—179).

Л. П. Потапов поставил вопрос о резких различиях между двумя основными группами алтайцев — северной и южной. Они касались не только культуры и быта, но и языка, отражались также в антропологическом типе. Все это свидетельствует о различном этническом происхождении и различиях в истории культуры этих групп алтайцев. Древняя охотничья культура северных алтайцев была характерна для всего таежного Саяно-Алтайского нагорья и прилегающих к нему лесных районов; ее можно связывать не с тюркскими этническими элементами. Что касается этнографически особенностей культуры и быта южных алтайцев, то они выросли на базе кочевого полукочевого пастбищного скотоводства. Как северные, так и южные алтайцы имеют генетическое сходство с кругом разных, не проживающих ныне в районе Саяно-Алтай племен и народностей. Оно отражает древние этногенетические связи обеих групп алтайцев.

Подробное рассмотрение состава сеоков — родов южных алтайцев (стр. 27—46), дает автору возможность установить, что несмотря на наличие различных групп южных алтайцев, в целом для них характерна общность сеоков. Л. П. Потапов делает вывод не только об общности происхождения современных южных алтайцев, но и об их близком этническом родстве с современными тувинцами.

Представляет интерес характеристика отдельных особенностей кочевого скотоводческого быта южных алтайцев (стр. 41—43), что позволяет говорить об общности в прошлом этнических элементов, входивших в состав киргизов и южных алтайцев, об общности их исторической жизни (в кыпчацком периоде) и тесных культурно-исторических связях.

Л. П. Потапов доказывает, что этническую основу современных южных алтайцев составляют три тюрко-язычные родо-племенные группы: телесы, теленгиты и телеуты. Собственно алтайцы, т. е. алтай-кижи представляли собой этнический конгломерат с преобладанием различных телеутских, теленгитских, телесских сеоков и тувинских родо-племенных групп. «Эта новая этническая общность в виде территориальной группы сформировалась по образцу древней родо-племенной организации» (стр. 45). Это важное теоретическое положение подтверждается на примере северных алтайцев: Автор справедливо утверждает, что это «совершенно новый для науки неизвестный еще нам и, конечно, неизученный до сего времени тип этнической консолидации, возрождающий модель первобытного общества. Едва ли нужно доказывать необходимость исследования этого вопроса и, разумеется, не только на материале алтайцев» (стр. 78).

Этнический процесс у южных алтайцев в конце XIX — начале XX вв. рассматривается как процесс разложения родо-племенных и формирования территориальных связей. Разложение родо-племенных связей выражалось в дроблении сеоков, их делокализации.

Детально анализируется в книге Л. П. Потапова и этнический состав северных алтайцев (стр. 46—63). Отмечается смешанное происхождение группы, обобщенно называемой тубаларами, в которой, однако, отчетливо выступают древнетюркские этнические элементы, связанные с кочевым скотоводческим бытом. Для тубаларов был характерен процесс консолидации сеоков в единую территориальную группу йыш-кижи («люди тайги», или «черни»).

Автор исследования не согласен со взглядами Н. А. Аристова на происхождение современных кумандинцев и челканцев и приводит убедительные доводы в пользу теории О. Пригсаки, полагающего, что термин «куман» в наименовании кумандинцев адекватен названию половцев и кыпчаков.

В следующей главе (стр. 80—146), по данным русских письменных источников XVII—XVIII вв., прослежены названия родоплеменных или этнических групп, их расселение и передвижение, генетическая преемственность с этническим составом современных северных или южных алтайцев.

Как свидетельствуют русские исторические документы, в XVII в. на Алтае и его предгорьях с севера жили ближайшие исторические «предки» наиболее крупных сеоков современных южных алтайцев (под теми же названиями).

Источники показывают, что северные алтайцы являются потомками ясачного населения XVII в., обитавшего в этих местах под теми же названиями. Л. П. Потапов отмечает, что в это время существовала тесная связь между северными алтайцами, телесами и жителями северо-западной Тувы — саянами.

Большой интерес представляет анализ материала о переходе южных алтайцев в состав Русского государства во 2-й половине 50-х годов XVIII в. и влиянии этого обстоятельства на этнический состав северных алтайцев, в том числе и «кузнецких телеутов» (стр. 123—140). Этот раздел заполняет известный пробел в историко-этнографической литературе, посвященной алтайцам.

Л. П. Потапову удалось выявить ближайших исторических предков южных и северных алтайцев, убедительно раскрыть ту этническую структуру, которая позднее легла в основу территориально-этнической общности алтай-кижи.

Несмотря на доказательность основных положений рассмотренной главы, некоторые частные утверждения все же вызывают сомнения. Это касается, например, попытки установить связь между джагатами (чагатами или чатами), которые каким-то образом стали в XVI в. чыгатами (чигатами) и этнонимом чик, упоминаемым в древнетюркских надписях (стр. 82—84, 167—168). Едва ли форма джагат (чагат) могла быть образована от этнонима чик даже с суффиксом множественного числа монгольского языка.

Трудно также безоговорочно согласиться с утверждением, что появление в родоплеменном составе киргизов этнических групп под названием телес, мундуз и некоторых их подразделений связано с продвижением какой-то части телеутов в восточное При Тяньшанье в XVIII в. и слиянием их с киргизами (стр. 123—124). Как уже отмечалось, это противоречит тому, что сообщает сам Л. П. Потапов о вхождении части телесов в XVI в. в состав исторических предков современных киргизов (стр. 166).

Заслуживает внимания последняя глава, в которой автор стремится вскрыть древние элементы в этническом составе алтайцев. Представляется, что эта попытка оказалась в высшей степени удачной. Предположение Н. А. Аристова (на него ссылается Л. П. Потапов) о том, что южные алтайцы являются потомками гаоюйских племен, именованных в китайских письменных источниках также термином теле (стр. 15), в настоящее время считается твердо установленным фактом. Группы, которые стали основой этнического состава алтайцев (телеуты-теленгуты, теленгиты и телесы), сохранили в своих названиях древний этноним теле.

Л. П. Потапов приводит ряд этнографических данных в доказательство своего мнения об этногенетическом родстве племен теле с хуннами. Именно хунское время он считает начальным этапом этногенеза современных тувинцев и, вероятно, современных алтайцев (стр. 12). Автор прослеживает историю этнонима теленгит (теленгут), сохранившегося у южных алтайцев, и доказывает, что современные теленгиты или теленгуты (телеуты) происходят от одного из древних тюркоязычных племен теле — доланьгэ через теленгутов монгольского периода и их более близких предков. В свою очередь телесы и туласы монгольских и персидских источников могут рассматриваться как предки современных алтайских телесов (158—162).

Л. П. Потапов сопоставляет упоминаемый в монгольском источнике «Сокровенное сказание» этноним телелек с самоназванием телек или телег значительной группы тувинцев, которое также восходит к древнему этнониму теле (стр. 160).

Относительно топонима и этнонима тулас, о котором пишет автор (стр. 157—161), хотелось бы сказать, что он мог быть прототипом монгольского дуглат (XVI в.), современных казахского дулат и киргизского дуулат (тулас → дулас → дулат), хотя этноним дулат без достаточных оснований производят от Дулу (Западно-Тюркский каганат).

Очень убедительны сопоставления, касающиеся этнонимов «аз» или «ас» (за исключением Байлагас, что сомнительно), «аба», а также вывод Л. П. Потапова, что в этногенезе северных и южных алтайцев приняли участие наряду с племенами теле и древние тюрки-тюкю — и западные, и восточные (стр. 175).

Чрезвычайно интересен этюд об этнониме со или солу у кумандинцев, который, по мнению автора, увидит в хунно-саньбийскую древность (стр. 183—186). Что

касается сближения названия сеока тогус с тогуз-огузами орхонских надписей (стр. 50, 186), оно не кажется убедительным. Числовые названия-этнонимы — весьма распространенное явление (юз, кырк, мин и т. п.). Но в целом утверждение Л. П. Потапова о том, что «этнонимы у населения Саяно-Алтайского нагорья обнаруживают большую устойчивость во времени и могут служить ценным этногенетическим источником», серьезно обосновано и может быть отнесено к значительно более широкому кругу народов Сибири, Средней Азии, Приуралья.

Приведя убедительные данные о культурных и бытовых традициях древних тюрков-тююк, сохраняющихся у алтайцев, Л. П. Потапов доказывает, что древние племена тююк на раннем этапе участвовали в этногенезе как южных, так и северных алтайцев.²

В заключение — несколько мелких замечаний. Орудие для разминки и очистки ийрек бытовало у всех киргизов, а не только у киргизов Памира (стр. 41). Очевидно опиской можно объяснить утверждение, что напиток из заквашенного молока у южных алтайцев — чегень приготавлился из вареного молока (стр. 43). В действительности его делали из сырого молока². На стр. 175 автор указывает, что тардуш не является этнонимом, а на стр. 186 тардуш рассматривается как этноним.

Приходится выразить большое сожаление, что в книге такого специального содержания отсутствуют какие бы то ни было указатели, в особенности указатели этнических и географических названий.

Как и всякий труд особой сложности, книга Л. П. Потапова не свободна от некоторых упущений, спорных положений, отдельных неточностей. Однако в целом это новое исследование заслуживает самой высокой оценки. Оно вносит весьма крупный вклад в изучение этнографии и этногенеза народов Саяно-Алтая. Многие выводы, новые данные, содержащиеся в книге, в значительной степени оригинальная методика, примененная автором, привлекут к книге внимание большого числа исследователей, в особенности историков и этнографов-тюркологов.

С. М. Абрамзон

² См. Л. П. Потапов, Пища алтайцев, «Сб. МАЭ», т. XIV, М.—Л., 1953, стр. 43.

«История казахской литературы», т. I.—Казахский фольклор. Алма-Ата, 1968. 452 стр.

Казахская фольклористика добилась за советские годы серьезных успехов в значительной разработке богатейшего устно-поэтического творчества казахского народа. Проведена большая работа по собиранию и изучению произведений устной народной поэзии, что дает возможность надеяться на появление монографических исследований и крупных коллективных трудов.

О плодотворности этой работы свидетельствует вышедшая в 1968 г. книга «Казахский фольклор», которой Институт литературы и искусства им. М. О. Ауэзова АН Казахской ССР открывает серию трехтомной истории казахской литературы на русском языке.

Эта книга, написанная большим коллективом авторов под редакцией Н. С. Смирновой, — самый значительный труд по казахскому фольклору после вышедшей в 1955 г. работы «Очерки казахской народной поэзии советской эпохи». В рецензируемом труде казахское народное устно-поэтическое творчество рассматривается на различных этапах развития, что дает возможность говорить и об особенностях основных жанров казахского фольклора, и о его состоянии в дореволюционную эпоху, а также широко поставить вопрос об эволюции фольклора в современных условиях. Важнейшие проблемы казахской фольклористики освещаются в книге с большой полнотой.

Задуманная как обобщающее исследование, книга систематизирует накопленные казахской фольклористикой разнообразные материалы, отличается оригинальностью трактовки многих проблем, глубокой научной обоснованностью методологических принципов, определяющих характер всех ее частей и разделов.

Благодаря тому, что в работе используется большое количество источников (в том числе ценные материалы, ранее не вводившиеся в научный обиход: варианты, не привлекавшие к себе внимания исследователей, архивные тексты; данные, содержащиеся в новейших трудах по казахскому фольклору и общей фольклористике), а также в результате того, что фольклорные материалы получают во многом новую интерпретацию, книга значительно обогащает наши представления по целому ряду важных вопросов казахской фольклористики. В этом легко можно убедиться, познакомившись с главами об истории казахской фольклористики, о сказках, исторических песнях, соотношении литературы и фольклора и особенно с общим очерком истории развития казахского фольклора. Все это свидетельствует о том, что рецензируемая книга в полной мере отражает современный уровень казахской фольклористики.